

Культурная свобода в современном многообразном мире

Как сделать, чтобы будущая конституция Ирака соответствовала требованиям справедливого представительства шиитов и курдов? Какие именно языки из тех, на которых говорят в Афганистане, — и сколько — следует признать государственными языками в новой конституции страны? Какие меры примет федеральный суд Нигерии в связи с нормой шариата карать смертью супружескую неверность? Одобрит ли законодательная власть Франции предложение запретить ношение головных платков и других религиозных символов учащимися школ? Противятся ли испаноговорящие жители США своей ассимиляции в основной поток американской культуры? Наступят ли мир и согласие, которые положат конец сражениям в Кот-д'Ивуаре? Уйдет ли в отставку президент Боливии из-за растущих протестов коренного населения? Закончатся ли когда-нибудь мирные переговоры по прекращению тамил-сингальского конфликта в Шри-Ланке? Это лишь некоторые из газетных заголовков последних нескольких месяцев. Необходимость научиться управлять, учитывая культурное многообразие, представляет собой одну из ключевых проблем нашего времени.

Подобные варианты выбора — а конкретно, признание/непризнание этнического, религиозного, языкового и ценностного многообразия, — долго рассматривались как угроза общественной гармонии. В XXI в. это уже неотъемлемая черта политического ландшафта. Политические лидеры и теоретики всех направлений в то или иное время выступали против открытого признания культурной самобытности — этнической, религиозной, языковой, расовой. Такой подход чаще всего доводил до подавления культурной самобытности, иногда в рамках крайне жесткой государственной политики, с религиозными преследованиями и этническими чистками в своем арсенале, а иногда просто через повседневное исключение из общественной жизни и дискри-

минацию в экономической, социальной и политической сферах.

Новизной в сегодняшней реальности является возрастающая роль самобытности как фактора, обуславливающего политику. В совершенно несхожих социальных контекстах и самым различным образом — идет ли речь о коренном населении Латинской Америки или о религиозных меньшинствах в Южной Азии, об этнических меньшинствах на Балканах и в Африке или об иммигрантах в Западной Европе — люди вновь встают против старых обид, объединяясь по принципу этнической, религиозной, расовой и культурной принадлежности, требуя от общества признания и уважения своей самобытности. Отвергая дискриминацию и ограничения в социальной, экономической и политической сферах, люди требуют и социальной справедливости. Новизной является также рост числа движений, склонных к принудительным действиям или насилию, угрожающих культурной свободе. И, наконец, в эпоху глобализации возник новый тип политических притязаний и требований, инициаторами которых становятся индивиды, общины и даже целые государства, которые чувствуют, как их традиционные культуры исчезают с лица земли. Они хотят сохранить свое культурное своеобразие в этом глобальном мире.

Как объяснить все эти новые явления? Они не являются чем-то обособленным. Они — часть исторического процесса социальных изменений, борьбы за культурную свободу, за новые рубежи для свободы человека и демократии. Их стимулирует и направляет расширение демократии, которая придает любым движениям больший политический простор для выражения протеста. На них также работает углубляющаяся глобализация, которая создает новые глобальные коалиции и бросает новые вызовы человечеству.

Культурная свобода является жизненно важной составляющей человеческого развития, потому что для полноценной жизни индивиду аб-

Культурная свобода является важнейшей составляющей человеческого развития, потому что для полноценной жизни индивиду абсолютно необходимо определить свою идентичность

В Докладе приводятся доводы в пользу уважения многообразия и построения более открытого общества путем проведения политики мультикультурализма

солютно необходимо определить свою идентичность — то есть ответить на вопрос: «кто ты?» — и не потерять при этом уважения со стороны других, равно как не лишиться себя возможностей выбора в каких-то других отношениях. Люди нуждаются в свободе, чтобы открыто исповедовать свою религию, говорить на родном языке, гордиться своим этническим или религиозным наследием без боязни оказаться осмеянными и наказанными или лишенным возможностей, доступных другим. Людям нужна такая свобода участия в жизни общества, ради которой им не приходилось бы разрывать связывающие их нити культуры. Эта идея проста, но она отнюдь не укоренилась в умах людей.

Ответить на эти требования становится все более серьезным вызовом для государств и их правительств. Конечно, при умелом подходе признание многообразной идентичности сделает общество многомерным, обогащая жизнь людей. Однако при этом существует и немалый риск.

Неуправляемая или плохо управляемая борьба за культурную самобытность может быстро превратиться в один из наиболее серьезных источников нестабильности внутри государств и в межгосударственных отношениях — и таким образом положить начало конфликтам, которые могли бы повернуть вспять весь процесс развития. Политические манипуляции идентичностью, которые противопоставляют народы и группы людей друг другу, создают пропасть между «своими» и «чужими». Растущие недоверие и ненависть угрожают миру, развитию и человеческим свободам. Только в прошлом году насилие на этнической основе привело к разрушению сотен жилых домов и культовых сооружений в Косово и Сербии. В Испании террористы взорвали поезд, убив более 200 человек. Акты насилия со стороны религиозных фанатиков привели к гибели тысяч мусульман и заставили многие тысячи человек покинуть свои дома в штате Гуджарат и других районах Индии — стране, где сосуществует огромное множество разных культур. Всплеск преступлений, вызванных ненавистью к иммигрантам, поколебал веру норвежцев в свою неизменную приверженность терпимости.

Борьба по поводу различной идентичности может спровоцировать возврат к репрессивной и ксенофобской политике, тормозящей челове-

ческое развитие. Она может способствовать косности и неприятию перемен, блокируя проникновение свежих идей и отвергая тех, кто является носителем космополитических ценностей, а также знаний и опыта, которые дают импульс развитию.

Управление в условиях многообразия и уважение культурной самобытности — актуальные вопросы отнюдь не только для нескольких «многонациональных государств». Почти все страны не однородны по своему составу. Примерно 5000 этнических групп проживают в нашем мире, насчитывающем около 200 стран. Две трети из них имеют, по крайней мере, одно значимое меньшинство — этническую или религиозную группу, на которую приходится не менее 10% населения.

В то же время ускоряются темпы международной миграции населения, оказывающей поразительное воздействие на некоторые страны и города. Например почти половина населения Торонто родилась за пределами Канады. Намного выросло число некоренных граждан, которые поддерживают гораздо более тесные связи со страной своего рождения, чем это делали иммигранты в прошлом веке. В той или иной мере любая страна сегодня представляет собой мультикультурное общество, имеющее в своем составе этнические, религиозные или языковые группы с общей для их членов привязанностью к их историческому наследию, культуре, ценностям и образу жизни.

Культурного многообразия не избежать и оно будет расти. Государствам предстоит найти ответ на вопрос, каким образом достичь общенационального единства в горниле этого многообразия. Мир, все более взаимозависимый экономически, не сможет существовать, если люди не научатся уважать многообразие и не придут к единству на основе общих уз человечности. В наш век глобализации требования культурного признания не могут более игнорироваться ни отдельным государством, ни международным сообществом в целом. В то же время и конфронтация, связанная с проблемами культуры и идентичности, скорее всего, будет расти — простота коммуникации и передвижения сделали мир меньше, изменили весь пейзаж культурного многообразия, а развитие демократии, прав человека и новые глобальные связи дают людям больше возможностей эффектив-

но согласовывать свои действия и объединяться для достижения общих целей.

Пять развенчанных мифов. Политика признания культурной самобытности и содействия процветанию многообразия не приводит к фрагментации общества, конфликтам, замедленному развитию или авторитарному правлению. Такая политика как жизнеспособна, так и необходима, потому что часто именно подавление групп населения, отличающихся от большинства своей самобытной культурой, приводит к росту напряжения.

В настоящем Докладе приводятся доводы в пользу уважения многообразия и построения общества, обеспечивающего включенность в общественную жизнь всех его членов путем проведения такой политики, которая недвусмысленно признает культурные различия — назовем ее политикой мультикультурализма. И все же почему в течение столь продолжительного времени культурная самобытность продолжает подавляться? Одна из причин заключается в том, что многие признают создание условий для процветания многообразия возможным и желательным в принципе, однако на практике считают, что оно может ослабить государство, привести к возникновению конфликтов и затормозить развитие. С такой точки зрения лучший подход к проблеме многообразия — ассимиляция по единому общенациональному шаблону, что может привести к подавлению культурной самобытности, не вписывающейся в него. Однако данный Доклад утверждает: подобные рассуждения основаны не на аргументах, а на мифах. Доклад доказывает, что политика поощрения культурного многообразия не просто желательна, а жизнеспособна и необходима. А вот если такую политику не проводить в жизнь, то надуманные проблемы, якобы порождаемые многообразием, могут на самом деле превратиться в реальность.

Миф 1. Этническая принадлежность человека вступает в противоречие с его преданностью государству, и, таким образом, признание многообразия происходит за счет сохранения целостности государства.

Это не так. Индивиды могут иметь и действительно обладают множественной идентичностью, отдельные аспекты которой взаимно дополняют друг друга — их этническая, языковая, религиозная и расовая принадлежность, а также гражданство. Это не означает также, что идентичность представляет собой что-то вроде игры с нулевым результатом. Отнюдь не обязательно выбирать между целостностью государства и признанием существования культурных различий.

Чувство самобытности и принадлежности к группе с общими ценностями и иными культурными маркерами имеет огромное значение для индивида. Однако каждый человек может отождествлять себя со многими различными группами. Люди могут самоопределяться по признаку гражданства (например, гражданин Франции), пола (женщина), расы (выходец из Западной Африки), языка (свободно владеет тайским, китайским и английским), политической принадлежности (имеет левые взгляды) и религии (буддистка).

Самоопределение содержит в себе элемент выбора: будучи частью различных групп с точки зрения различных определяющих признаков, индивид свободен выбирать, в зависимости от контекста, какой из многих идентичностей отдать предпочтение. Американцы мексиканского происхождения могут болеть за мексиканскую футбольную команду и при этом служить в армии США. Многие белые южноафриканцы наравне с чернокожими боролись с апартеидом. Социологи утверждают, что у идентичности людей есть границы, отделяющие «нас» от «них», но эти границы подвижны и могут размываться, чтобы вобрать в себя более широкие группы людей.

«Национальное строительство» было доминирующей тенденцией на протяжении всего XX в., и большинство государств стремилось построить себя как культурно однородные, с общей, единой идентичностью. Иногда им это удавалось, но только ценой репрессий и преследований. Если история XX в. что-то и доказала, так это то, что попытки ликвидировать или просто вытеснить культурные группы вызывает их упорное сопротивление. Признание же существования культурной самобытности, наоборот, приводит к разрядке постоянной напряженности. В таком случае, по причинам как практического, так и морального характера, го-

Чувство самобытности и принадлежности к группе, разделяющей общие ценности, имеет огромное значение для индивида. Однако каждый человек может отождествлять себя со многими различными группами

Культурная свобода – это способность людей выбирать, как жить и кем быть

раздо лучше предоставить возможность нормального существования культурным группам, чем пытаться их ликвидировать или делать вид, что их не существует.

Перед странами не стоит необходимость выбора между национальным единством и культурным многообразием. Опросы общественного мнения показывают, что они могут сосуществовать — и часто существуют совместно. Подавляющее большинство респондентов в Бельгии считает себя одновременно бельгийцами и фламандцами или бельгийцами и валлонами, а граждане Испании — испанцами и каталонцами или испанцами и басками.

Эти и другие страны упорно работали над тем, чтобы приспособиться к многообразию культур. Они также сделали немало, чтобы укрепить единство страны, воспитывая уважение к самобытности и доверие к государственным институтам. Государства сохранили свою территориальную целостность. Иммигрантам не нужно отказываться от обязательств перед своими семьями, оставшимися на родине, проявляя лояльность к принимающей стране. Опасения, что если иммигранты не «ассимилируются», то приведут страну к раздробленности, безосновательны. Безальтернативная ассимиляция больше не является ни жизнеспособной, ни необходимой моделью интеграции индивида в общество.

Многообразие и государственный интегритет не исключают друг друга. Политика культурного многообразия — это путь к строительству государств, в которых налицо и многообразие, и единство.

Миф 2. Этнические группы склонны к конфликтам с применением насилия из-за расхождений в ценностях, таким образом, необходимо выбирать между уважением многообразия и сохранением мира.

Отнюдь нет. Не имеется достаточных оснований утверждать, что культурные различия и расхождения в ценностях сами по себе являются причиной конфликтов с применением насилия.

В действительности, особенно после окончания «холодной войны», конфликты с применением насилия возникали не столько между государствами, сколько между этническими группами в

отдельных государствах. Но все последние исследования показывают, что сами по себе культурные различия не являются фактором, породившим эти конфликты. Некоторые ученые даже утверждают, что культурное многообразие снижает опасность возникновения конфликтов, затрудняя мобилизацию отдельных групп.

Научные исследования предлагают несколько объяснений причин этих войн: экономическое неравенство групп, а также борьба за политическое влияние, за контроль над землей и другими экономическими ресурсами. На Фиджи коренные фиджийцы инициировали переворот с целью свержения правительства, состоявшего преимущественно из индийцев, поскольку опасались возможной конфискации земель. В Шри-Ланке сингалское большинство получило политическую власть, однако, тамильское меньшинство, имевшее доступ к более значительным экономическим ресурсам, смогло разжечь длящийся десятилетия гражданский конфликт. В Бурунди и Руанде в разные периоды времени тутси и хуту поочередно отлучали друг друга от возможностей экономического развития и исключали из участия в политической жизни.

Отождествление с определенной культурой, без сомнения, сыграло определенную роль в этих конфликтах — будучи, однако, не их причиной, а механизмом политической мобилизации. Вожди разного толка играют на струне одной-единственной идентичности, общих символов и общей истории обид для того, чтобы «собрать войска». Но и непризнание отдельной культуры может подтолкнуть к насилию. Главной причиной бунтов в Соуэто (ЮАР) в 1976 г. было неравенство; однако непосредственным поводом к восстанию явились попытки навязать изучение языка африкаанс в школах для чернокожего населения.

Хотя сосуществование отличных друг от друга культурных групп само по себе не является причиной конфликтов и насилия, очень опасно допускать углубление экономического и политического неравенства между такими группами или подавлять культурные различия, поскольку тогда эти группы легко поддаются мобилизации по культурным признакам, воспринимая экономические и политические различия как проявления несправедливости.

Мир в стране и уважение многообразия не исключают друг друга, но политика, затрагивающая вопросы самоопределения, должна проводиться таким образом, чтобы не создавалась почва для обращения к насилию.

Миф 3. Принцип соблюдения культурной свободы диктует необходимость защиты традиционных культурных практик; таким образом, возможен конфликт между признанием культурного многообразия и другими приоритетами человеческого развития, такими, как социально-экономический прогресс, демократия и права человека.

Нет. Понятие культурной свободы предполагает расширение возможностей выбора для индивида, а вовсе не самоцельную консервацию ценностей, порядков и обычаев, и не означает слепого следования традиции как таковой.

Культура не есть застывший набор ценностей и обычаев. Она находится в процессе постоянного обновления, потому что люди подвергают сомнению, адаптируют и заново определяют свои ценности и обычаи сообразно меняющейся действительности и новым идеям.

Нередко можно услышать утверждения, что мультикультурализм представляет собой политику, направленную на сохранение таких культур и обычаев, которые нередко нарушают права человека, и что движения за культурное признание не управляются демократическим образом. Тем не менее, ни культурную свободу, ни уважение многообразия не следует смешивать с защитой традиций. Культурная свобода — это способность людей выбирать, как жить и кем быть, при наличии реальных возможностей выбора между различными вариантами.

«Культура», «традиция» и «аутентичность» не тождественны понятию «культурная свобода». Они не могут служить уважительной причиной для действий, которые отнимают у индивидов равные возможности и попирают их права человека, — таких, как лишение женщин равного с мужчинами права на образование.

Группы интересов, возглавляемые самопровозглашенными лидерами, могут не отражать всей совокупности взглядов данной социальной группы. Нередко во главе групп стоят люди, которые, прикрываясь «традицией», заинтересова-

ны в сохранении существующего положения и выступают в роли блюстителей традиционализма, чтобы «заморозить» свои культуры. Тем, кто призывает к удовлетворению культурных потребностей, следует соблюдать демократические принципы и уважать права и свободы человека. Образцом в этом отношении может служить положение, занимаемое в Финляндии народом саами, который обладает автономией и собственным парламентом, работающим в соответствии с демократическими принципами и процедурами, являясь при этом частью финского государства.

Нет необходимости выбирать между уважением культурных различий и прав человека, с одной стороны, и развитием, с другой. Наоборот, процесс развития предполагает активное участие людей в борьбе за права человека и эволюцию ценностей.

Миф 4. Страны с этническим многообразием менее способны к развитию, следовательно, уважение многообразия идет за счет стимулирования развития.

Неверно. Не существует доказательств явной — положительной или отрицательной — связи между культурным многообразием и развитием.

Некоторые утверждают, что многообразие является препятствием на пути развития. Действительно, низкий уровень доходов и человеческого развития во многих культурно неоднородных обществах — это неопровержимый факт, однако не существует доказательств того, что именно культурное многообразие является его причиной. В одном из исследований приводятся аргументы в пользу того, что многообразие является причиной низких экономических показателей в Африке. Однако эти показатели связаны не с самим фактом многообразия, а с механизмом принятия политических решений, основанном на преследовании узко этнических, а не национальных интересов. Наряду с тем, что некоторые многонациональные страны пребывают в состоянии стагнации, имеются и обратные примеры поразительных успехов. Многонациональная Малайзия, страна, 62% населения которой составляют малайцы и представители других коренных групп, 30% — китайцы и 8% — индийцы, занимала 10 место в мире по темпам развития

Теории культурного детерминизма заслуживают критической оценки, поскольку их применение ведет к опасным политическим последствиям и может стать источником как внутренней, так и межгосударственной напряженности

Культурная свобода — это возможность людей выбирать свою идентичность и вести образ жизни без ущемления в возможностях выбора в отношении образования, медицинского обслуживания и работы

экономики в 1970–1990-х гг., т. е. именно в тот период, когда там осуществлялась программа мер, направленных на ликвидацию дискриминации. Маврикий стоит на 64 месте в мире по уровню человеческого развития — наивысшее достижение среди африканских стран к югу от Сахары. Его население характеризуется многообразием и включает африканцев, индийцев, китайцев и лиц европейского происхождения. Около 50% населения Маврикия составляют индусы, 30% — христиане и 17% — мусульмане.

Миф 5. Некоторые культуры более предрасположены к развитию, чем другие; одним культурам присущи демократические ценности, а иным — нет; таким образом, создание благоприятных условий для существования некоторых культур возможно за счет поощрения развития и демократии.

Это тоже не соответствует действительности. Ни статистический анализ, ни исторические исследования не подтверждают наличия причинно-следственной связи между культурой и экономическим прогрессом или демократией.

Культурный детерминизм — концепция, согласно которой культура данной группы является фактором, препятствующим или способствующим экономическому развитию и прогрессу демократии — обладает огромной притягательной силой на интуитивном уровне. Однако подобные теории не подтверждаются эконометрическим анализом или историческими фактами.

Существует ряд теорий культурного детерминизма, начиная с толкования Максом Вебером протестантской этики как ключевого фактора, определившего успешный рост капиталистической экономики. Будучи убедительными в объяснении прошлого, эти теории неоднократно оказывались ошибочными при прогнозировании будущего. В то время, когда в моде была теория Вебера, католические страны — Франция и Италия — развивались быстрее, чем протестантские Великобритания и Германия, так что этой теории пришлось придать более широкий смысл, распространив ее на христианские или вообще «западные» ценности. Когда Республика Корея, Таиланд, Япония и другие страны Юго-Восточной Азии достигли рекордных темпов экономического роста, пришлось отказаться от представления,

что конфуцианские ценности якобы являются тормозом для развития.

Понимание культурных традиций помогает осмыслению влияния человеческого поведения и социальной динамики на результаты развития. Тем не менее, эти выводы не могут служить основой для универсальной теории культуры и развития. Например, при объяснении темпов экономического развития экономическая политика, география и уровень заболеваемости являются весьма релевантными факторами. Однако культурный фактор, например, принадлежность общества к миру индуизма или ислама, оказывается несущественным.

Сказанное выше в равной мере применимо и к демократии. Представители «новой волны» культурного детерминизма начинают брать верх в некоторых политических дискуссиях, объясняя провалы в сфере демократизации в странах «не западного» мира их предрасположенностью к нетерпимости и «авторитарным ценностям». Рассуждая в глобальных масштабах, некоторые теоретики утверждают, что XXI в. станет свидетелем «столкновения цивилизаций» и что будущее демократических и толерантных государств Запада находится под угрозой со стороны государств «не западного» мира, исповедующих авторитарные ценности. Есть основания скептически относиться к таким взглядам. В первую очередь они преувеличивают различия между «группами цивилизаций» и игнорируют сходства между ними.

Более того, Запад не обладает монополией на демократию или терпимость, и не существует четкого исторического водораздела между толерантным и демократическим Западом и деспотическим Востоком. Платон и Блаженный Августин были не менее авторитарны в своих суждениях, чем Конфуций и Каутилья. Поборники демократии существовали не только в Европе, но и в иных частях света. Возьмем Акбара, проповедовавшего религиозную терпимость в Индии в XVI в., или принца Сётоку, который в VII в. ввел в Японии конституцию (*кемпо*), предписывавшую, что «решения по важным вопросам не должны приниматься одним человеком. Они должны обсуждаться многими». Представления о механизме принятия решений по важным общественным вопросам с широким участием заинтересованных лиц занимают центральное ме-

сто в ряде африканских традиций и в других частях света. Данные, полученные в результате недавнего социологического опроса о всемирных ценностях, показывают, что население мусульманских стран высказывается в поддержку демократических ценностей в такой же степени, как и жители немусульманских стран.

Основная проблема, связанная с этими теориями, заключается в исходной посылке о том, что культура в целом статична и неизменна, что позволяет четко разделить мир на различные «цивилизации» или «культуры». В этом утверждении игнорируется тот факт, что, хотя в обществе может существовать значительная преемственность ценностей и традиций, культуры также меняются и редко бывают однородными. Практически все общества прошли через переоценку ценностей, — например, изменение взглядов на роль женщин и гендерное равенство в XX в. Радикальные изменения в общественной жизни произошли повсеместно, затронув всех — от католиков Чили до мусульман Бангладеш и буддистов Таиланда. Такие изменения и социальные противоречия настолько определяют политику и исторические перемены, что главным предметом исследования в антропологии в настоящее время является воздействие отношений власти на эту динамику. Как ни парадоксально, в господствующих течениях политической мысли растет интерес к поиску «фундаментальных» ценностей и характеристик «народа и его культуры».

Теории культурного детерминизма заслуживают критической оценки, поскольку их применение ведет к опасным политическим последствиям. Они могут подпитывать националистическую политику, направленную на уничтожение или подавление «примитивных» культур под предлогом того, что они якобы препятствуют национальному единству, демократии и развитию. Такие нападки на культурные ценности способны вызвать острую ответную реакцию, которая может стать источником как внутренней, так и межгосударственной напряженности.

Для человеческого развития требуются не только здоровье, образование, достойный уровень жизни и политическая свобода. Необходимо признание государством культур-

ной самобытности народов и наличие благоприятных условий для ее существования; люди должны обладать свободой выражения своей идентичности, не подвергаясь дискриминации в других областях жизни. Говоря кратко: культурная свобода — это одно из прав человека и важная сторона человеческого развития в целом, следовательно, заслуживает внимания и заботы со стороны государства.

Человеческое развитие — это процесс расширения возможностей выбора людьми, кем быть и что делать, сообразно их жизненным ценностям. В центре внимания предыдущих *Докладов о развитии человека* находились вопросы развертывания социальных, политических и экономических возможностей для расширения такого выбора. Рассматривалось то, каким образом политика справедливого роста, расширение возможностей в социальной сфере и углубление демократии могут повысить качество такого выбора для всех людей мира.

Еще одной жизненно важной «составляющей» человеческого развития, для которой трудно найти критерий и просто дать определение, является культурная свобода: она имеет первостепенное значение для способности людей жить сообразно их предпочтениям. Прогресс культурной свободы должен быть центральным элементом развития человека, а для этого необходимо выйти за рамки социальных, политических и экономических аспектов развития, поскольку они не гарантируют такой свободы.

Культурная свобода — это возможность людей выбирать свою идентичность и вести предпочитаемый ими образ жизни, без ущемления в возможностях выбора в отношении других важных аспектов жизни (таких, как получения образования, медицинского обслуживания, работы). На практике существуют две формы культурной исключенности. Первая — исключенность по образу жизни, при которой отвергается сама возможность признания образа жизни, который группа хотела бы вести, исключаются условия для реализации права на такой образ жизни, и выдвигается требование, чтобы индивиды жили точно так же, как и все остальные члены общества. Примеры этого — притеснения на религиозной почве или настойчивые требования, чтобы

Формирующиеся модели мультикультурной демократии представляют собой эффективные механизмы «участия во власти» различных культурных групп

*«Участие во власти»
доказало свою крайнюю
необходимость при
снятии напряженности*

иммигранты отказались от обычаев и нравов своей культуры, а также от родного языка. Вторая разновидность — исключенность из участия в общественной жизни, когда люди подвергаются дискриминации или ущемлению социальных, политических и экономических возможностей из-за своей культурной самобытности.

Оба типа исключенности существуют в широких масштабах на всех континентах, при любом уровне развития, как в демократических, так и в авторитарных государствах. Согласно сведениям, полученным в рамках исследовательского проекта «Меньшинства под угрозой» (базы данных по проблемам исключенности, на основе которой был проведен анализ положения меньшинств во всем мире), около 1 млрд. чел. — каждый седьмой житель планеты — принадлежит к группам, которые в той или иной степени являются объектами исключенности (либо по образу жизни, либо из участия в общественной жизни), которой не подвергаются другие группы населения.

Разумеется, общую картину дополняет подавление культурной свободы. Одна из ее крайних форм — этнические чистки. Затем идут официальные ограничения на религиозные обряды, язык и гражданство. Однако чаще всего культурная исключенность вытекает из отсутствия признания или уважения к культуре и наследию того или иного народа или из провозглашения каких-либо культур низшими, примитивными и нецивилизованными. Это может находить отражение в политике государства, когда религиозные праздники меньшинств не являются государственными праздниками, в школьных учебниках замалчиваются или приуменьшаются достижения лидеров меньшинств и поддерживаются такие направления литературы и других видов искусств, в которых достижения доминирующей культуры являются наиболее очевидными.

К исключенности по образу жизни часто прибавляется социальная, экономическая и политическая исключенность, которая проявляется в виде дискриминации и несправедливой избирательности при приеме на работу, предоставлении жилья, школьном обучении и политическом представительстве. В Непале уровень детской смертности в возрасте до пяти лет среди представителей профессиональных каст составляет более 17%, а среди неваров и браминов — 7%. В

Сербии и Черногории 30% цыганских детей никогда не посещали начальную школу. Латиноамериканцы европейского происхождения часто гордятся своим «расовым дальтонизмом», подчеркивая, что в их странах цвет кожи человека не имеет значения. Однако фактический уровень благосостояния, как и уровень политического представительства коренных народов на всем латиноамериканском континенте ниже, чем у других групп населения. В Мексике, например, 81% коренного населения имеет доход ниже черты бедности, тогда как в общей численности населения эта доля составляет 18%.

Следует отметить, что исключенность по образу жизни и из участия в общественной жизни не всегда совпадают. Например, лица китайского происхождения в странах Юго-Восточной Азии с экономической точки зрения занимают доминирующее положение и в то же время подвергаются культурной исключенности. В частности, запрещаются публикации и ограничивается преподавание в школах на китайском языке, а на лиц китайского происхождения оказывается общественное давление, с тем чтобы они брали себе местные имена. Однако чаще всего исключенность по образу жизни дополняет другие виды исключенности. Такое положение особенно характерно в отношении использования родного языка. Многие группы, особенно такие крупные меньшинства, как курды в Турции и коренное население Гватемалы, исключены из участия в политической жизни и ограничены в экономических возможностях, потому что государство не признает за ними право использовать родной язык в школах, суде и других официальных местах. Вот почему эти группы так активно борются за то, чтобы их родной язык был признан и использовался в обучении, а также в политических и юридических процедурах.

Ничто из вышесказанного не выглядит утопией. Реализовать политику поощрения культурного многообразия нелегко, и при ее проведении не обойтись без компромиссов. Тем не менее, многие страны успешно проводят такую политику, преодолевая проявления культурной исключенности и способствуя расширению культурных свобод.

Культурная свобода не придет сама, как не возникнут из ничего здоровье, всеобщее образование и равноправие мужчин и женщин. Содействие ее реализации должно быть главной заботой правительств даже там, где в государственной политике нет явных признаков преследований и дискриминации.

Некоторые утверждают, что гарантии соблюдения гражданских и политических прав, — таких, как свобода совести, слова и собраний, — достаточны, чтобы люди могли исповедовать свою религию, говорить на родном языке и не подвергаться дискриминации при приеме на работу, школьном обучении, а также многим другим видам исключенности. Они доказывают, что культурная исключенность — побочный продукт экономической и политической исключенности, и как только проблемы с ними разрешатся, сама собой исчезнет и культурная исключенность.

Практика показывает, что это не так. Многие богатые и демократические страны, например, заявляют о том, что одинаково относятся ко всем гражданам, но, тем не менее, в них проживают меньшинства, которые недостаточно представлены в государственных органах и ежедневно испытывают притеснения и трудности в доступе к общественным услугам.

Для расширения культурных свобод нужна четкая политическая стратегия, направленная против отрицания культурной свободы — политика мультикультурализма. Для достижения этого государствам следует признать в своих конституциях, законах и институтах существование культурных различий. Им также необходимо сформулировать политическую стратегию, направленную на обеспечение того, чтобы интересы определенных групп — меньшинств или исторически обделенного большинства — не игнорировались и не отвергались доминирующими группами. При этом реализация подобных подходов не может противоречить другим целям и стратегическим направлениям человеческого развития, — таким, как укрепление демократии, эффективное функционирование государства и обеспечение равных возможностей для всех граждан. Осуществить это не просто, однако в мире существует много примеров стран, принявших на вооружение передовые подходы к управлению культурным многообра-

зием. В настоящем Докладе уделяется особое внимание пяти главным областям практической политики: участию в политической жизни, религиозной самобытности, доступу к правосудию, языковому своеобразие и доступу к социально-экономическим возможностям.

Политика обеспечения участия в политической жизни

Многие исторически обделенные группы до сих пор лишены реальной политической власти и, таким образом, часто ощущают свое отчуждение от государства. В ряде случаев эта исключенность обусловлена отсутствием демократии или отказом в предоставлении политических прав. При таком положении первым необходимым шагом должна стать демократизация. Тем не менее, подчас требуется нечто большее, ибо даже тогда, когда представители меньшинств имеют равные политические права в условиях демократии, они могут постоянно находиться в меньшинстве и проигрывать при голосовании, и, следовательно, воспринимать центральную власть как чуждую и деспотичную. Неудивительно, что многие меньшинства оказывают сопротивление чуждому и деспотичному государственному аппарату и стремятся к большей политической власти. Вот почему зачастую требуется «мультикультурная» концепция демократии.

Формирующиеся в практике стран модели мультикультурной демократии представляют собой эффективные механизмы «участия во власти» различных культурных групп. Подобные формы «участия во власти» имеют решающее значение для обеспечения прав разных культурных групп и меньшинств, а также для предотвращения нарушений в условиях диктатуры большинства или доминирования правящей политической элиты.

Реформа избирательной системы в Новой Зеландии была направлена на то, чтобы покончить с непропорционально низким политическим представительством народа маори. С введением системы пропорционального представительства вместо принципа «победитель получает все» представительство маори в законодательной власти выросло с 3% в 1993 г. до 16% в результате выборов 2002 г., что соответствует их доле в общей численности населения. В Индии

Политика культурного многообразия, основанная на признании различий между группами, должна быть нацелена на борьбу с исторически и социально укоренившимися видами несправедливости

Сохранение либеральных ценностей в обществе зависит от того, насколько соблюдается принцип верховенства закона, насколько внимательно прислушиваются к политическим требованиям и как обеспечивается защита основных прав человека — даже по отношению к преступникам

зарезервированные места и квоты имеют решающее значение, обеспечивая такое положение, при котором определенные племена и касты имеют политический голос. Принцип гарантированного представительства этнических меньшинств введен и в Хорватии.

Важным механизмом обеспечения «участия во власти» служит федеративное государственное устройство. Почти каждая из дюжины стран с этническим многообразием и многолетними демократическими традициями имеет ассиметричное федеративное устройство, при котором структурные элементы федеративного государства обладают неодинаковыми полномочиями. Такая организация более гибко отвечает потребностям различных групп. Например, в Малайзии особый статус имеют саба и араваки, а в Испании — баски и еще 14 comunidades autonomas (автономий), обладающих самоуправлением в таких областях, как образование, язык и культура.

Некоторые коренные народы, такие, как инуиты (эскимосы) в Канаде, добились самоуправления на своих территориях. Как показывает опыт, такая организация «участия во власти» доказала свою крайнюю необходимость при снятии напряженности в странах, сталкивающихся на протяжении истории с сепаратистскими движениями, как, например, в Испании. Принятие таких мер на раннем этапе напряженности может предупредить возникновение конфликта с применением насилия.

Политика обеспечения свободы совести

Многие религиозные меньшинства подвергаются исключенности в различных формах, иногда в результате откровенного подавления свободы совести или дискриминации в отношении данной группы. Эта проблема в особенности характерна для не секулярного государства, в котором власть традиционно поддерживает доминирующую религию.

В других случаях исключенность может носить менее явный и даже непреднамеренный характер, скажем, когда в государственный календарь не включены религиозные праздники меньшинств. Индия официально отмечает пять индуистских, четыре мусульманских, два христианских, один буддийский и один сикхский

праздник, а также один праздник секты джайна, что свидетельствует о признании культурного многообразия населения. Франция отмечает 11 национальных праздников, из которых четыре не относятся к какому-либо вероисповеданию, а семь являются христианскими, и это несмотря на то, что 7% населения страны составляют мусульмане, а 1% — евреи. Аналогичным образом требования к одежде в общественных местах могут вступать в конфликт с религиозными обычаями. Государственные установления в отношении брака или наследования также могут отличаться от религиозных. Градостроительные акты могут противоречить похоронным ритуалам того или иного меньшинства.

Такого рода конфликтные ситуации могут возникать даже в светских (секулярных) государствах с сильными демократическими институтами, стоящими на защите гражданских и политических прав. Учитывая глубокую значимость религии для идентичности людей, нет ничего удивительного в том, что религиозные меньшинства часто активизируют свои усилия по борьбе с такой исключенностью. Вписать некоторые религиозные практики в общепринятую рамку нетрудно, но часто это предполагает необходимость трудного выбора и ряда компромиссов. Франция пытается ответить на вопрос, не противоречит ли ношение мусульманками традиционных головных платков в государственных школах принципу отделения школы от церкви, а также демократическим ценностям женского равноправия, которые государственное образование стремится распространять. Власти Нигерии не могут прийти к единому мнению о том, следует ли поддерживать решения шариатского суда по делам о супружеской неверности.

С точки зрения человеческого развития важно расширять свободы и права человека, а также признавать равноправие. Светские и демократические государства скорее всего достигнут этих целей в том случае, если государство будет в разумных пределах создавать благоприятные условия для отправления религиозных обрядов, если отношения всех религий с властью будут строиться на одинаковых основаниях, а государство будет защищать права человека.

Политика правового плюрализма

Во многих обществах с этническим многообразием коренные народы и представители других культурных групп ведут борьбу за признание их традиционных правовых систем, чтобы получить доступ к правосудию. Например, народ майя веками подвергался притеснениям, и государственная правовая система стала составляющей частью такого притеснения. Сообщества потеряли веру в государственный принцип верховенства закона, потому что он не гарантировал справедливости и не был инкорпорирован в общество и систему социальных ценностей.

Ряд стран, такие, как Гватемала, Индия и ЮАР, развивают правовой плюрализм, так или иначе признавая роль общинных юридических норм и институтов. Требования ввести правовой плюрализм встречают противодействие со стороны тех, кто опасается, что он подрывает принцип единства правовой системы или будет способствовать распространению традиционных обычаев и нравов, противоречащих принципам демократии и соблюдения прав человека. Без сомнения, возникают и конфликты. ЮАР, например, пытается преодолеть конфликтную ситуацию между правом наследования, предоставленным женщинам согласно конституции государства, и отказом в этом на основании обычного права. Обществам придется столкнуться с необходимостью достижения сложных компромиссов, но правовой плюрализм не требует полного принятия всех традиционных обычаев. Культура эволюционирует, а культурная свобода — это не защита традиций любой ценой.

Языковая политика

Проблема родного языка — наиболее дискутируемый вопрос в государствах с этническим многообразием. В некоторых странах предпринимались попытки подавлять использование национальных языков, а на тех, кто ими пользовался, наклеивался ярлык «подрывных элементов». Однако чаще всего причиной исключения — даже в обществах с развитыми демократическими институтами — является проведение политики использования одного языка. Выбор официального языка, на котором ведутся обучение в школах, дебаты в парламен-

те и который преимущественно применяется в общественной жизни страны и в бизнесе, определяет препятствия и преимущества, с которыми те или иные люди сталкиваются в жизни — политической, общественной, экономической и культурной. Конституция Малави требует, чтобы все парламентарии говорили и читали по-английски. В судах ЮАР основными языками де-факто являются английский и африкаанс, хотя официальными признаны еще девять языков. Признание языка означает не просто его использование. Оно символизирует собой уважение к людям и их культуре и свидетельствует об их полной включенности в общество.

Государство может быть слепым в отношении религиозных вопросов, но оно не может быть глухим в отношении языков. Гражданам необходимо общаться, чтобы ощущать свою сопричастность, а выбор официального языка символизирует национальную идентичность. Вот почему многие государства, даже являясь поборниками гражданских и политических свобод, выступают против признания языкового многообразия.

Целый ряд стран стремится обеспечить достижение обеих целей — единства и многообразия, — путем введения двух или трех государственных языков и официального признания наряду с объединяющим языком национального общения также и местных языков. Для многих стран, переживших колонизацию, это означает признание языка, используемого в государственной администрации (например, английского или французского), наиболее распространенного местного языка и родного языка на уровне общины. В Танзании поощряется использование суахили наряду с английским языком в школах и государственных учреждениях. В Индии в течение многих десятилетий применяется «трехязычная формула»: обучение в школах ведется на официальном языке штата (например, в Бенгалии — на бенгальском), и, кроме того, детей обучают еще двум официальным языкам страны — хинди и английскому.

Социально-экономическая политика

Социально-экономическая несправедливость и неравенство в доходах, доступе к образованию и медицинскому обслуживанию были и остаются

*В Докладе
обосновывается
альтернативный
подход, опирающийся на
уважение и содействие
расширению
многообразия при
сохранении государств
открытыми для
глобального движения
капитала, товаров
и людей*

Чтобы стать полноценными членами обществ, построенных на многообразии, и воспринять всемирные ценности терпимости и уважения к всеобщим правам человека, индивиды должны выйти из жестких рамок той или иной идентичности

ся определяющей особенностью многих этнически многообразных обществ, включающих исторически обделенные группы, такие, как чернокожее население в ЮАР или коренные народы в Гватемале и Канаде. Исторические корни этой исключенности уходят во времена колониального завоевания и находят отражение в сложившихся иерархических структурах, таких, как система каст.

Ключевая роль в борьбе против подобного неравенства принадлежит экономической и социальной политике, направленной на обеспечение справедливости. Исправление перекосов в государственных расходах, а также целевое предоставление базовых услуг людям, отстающим по уровню медицинского обслуживания и образования, полезны, — но этого недостаточно. Политика культурного многообразия, основанная на признании различий между группами, должна быть нацелена на борьбу с исторически и социально укоренившимися видами несправедливости. Например, простое увеличение расходов на образование детей из групп коренного населения будет недостаточной мерой, так как они останутся в ущемленном положении до тех пор, пока преподавание во всех школах ведется только на государственном языке. Решением проблемы могло бы стать билингвистическое образование. Требования, относящиеся к вопросам собственности на землю — такие, как, например, требования коренных народов предоставить в их распоряжение земли, богатые полезными ископаемыми, или — как в ЮАР — земли, захваченные белыми колонизаторами, — не могут быть удовлетворены с помощью политики, направленной на расширение социально-экономических возможностей.

Опыт Индии, Малайзии, США и ЮАР показывает, что снижению остроты различий между группами могут способствовать так называемые «аффирмативные действия», или «положительная дискриминация» (гарантированная занятость для представителей меньшинств). В Малайзии отношение среднедушевых доходов китайского и малайского населения снизилось с 2,3 в 1970 г. до 1,7 в 1990 г. В США доля чернокожих юристов выросла с 1,2% до 5,1%, а чернокожих врачей — с 2% до 5,6%. В Индии резервирование должностей на государственной службе, предоставление мест в высших учебных заведениях и зако-

нодательных органах для представителей ранее притесняемых каст и племен помогает членам этих групп выбраться из бедности и приблизиться по уровню материального достатка к среднему классу.

Осуществление всех этих мероприятий связано с трудностями, однако опыт многих стран показывает, что возникающие проблемы разрешимы. Эффективность билингвистического образования может ставиться под сомнение, но только потому, что оно не получает достаточной поддержки, необходимой для того, чтобы оно было качественным. Программы аффирмативных действий можно упрекать за то, что они создают постоянный источник неравенства и покровительственного отношения, — но вопрос здесь заключается в их правильном осуществлении. Эти программы способны решить проблему обеспечения культурной включенности. Тем не менее, мы также должны признать тот факт, что в сегодняшнем мире существуют движения за культурное доминирование, которые стремятся подавить многообразие.

Движения за культурное доминирование представляют собой угрозу культурной свободе. Борьба с ними незаконными и недемократическими методами нарушает права человека и не решает саму проблему. Вовлечение в демократическую процедуру дает намного больше возможностей успешно разоблачить нетолерантные программы подобных движений и подорвать их притягательность.

Люди, стоящие во главе движений за культурное доминирование, верят в свое культурное превосходство и стремятся навязать свою идеологию другим людям, как внутри, так и вне рамок своего сообщества. Не все такие движения склонны к применению насилия. Некоторые из них оказывают давление на других людей, прибегая к политическим кампаниям, угрозам и запугиванию. В крайних случаях они прибегают к насилию — погромам, выдворению, этническим чисткам и геноциду. Нетерпимость в ипостаси структурированной политической силы грозит превратиться в мировую политическую норму. Движение за культурное доминирование обрета-

ет различные формы: политической партии, ополчения, террористической группы, международной сети и даже государства. Наивно полагать, что демократические общества застрахованы от проявлений нетерпимости и ненависти.

Среди основополагающих причин, способствующих росту движений за культурное доминирование, часто указывают на манипуляции политических лидеров, бедность и неравенство людей, слабость и неэффективность государственного аппарата, политическое вмешательство извне и связь с диаспорой. Эти факторы могут также стимулировать развитие националистических движений, в частности, выступающих за автономию или отделение от государства. Однако движения, выступающие за обретение национальной автономии, не тождественны движениям за культурное доминирование — хотя бы потому, что последние часто могут возникать внутри преобладающей группы, которая и без того уже занимает доминирующее положение в государстве, — как в случае крайне правых партий во многих европейских странах. Напротив, многие движения за национальную автономию могут носить вполне либеральный характер и признавать важность многообразия в рамках автономной территории, стремясь лишь приобрести такое же уважение и признание, которым пользуются другие народности. Отличительные черты движений за культурное доминирование — утверждение своего культурного превосходства и нетерпимость. Они направлены против свободы и многообразия.

Вопрос в том, как с ними справиться? Зачастую государства пытаются противостоять этим движениям, прибегая к репрессивным и недемократическим методам — запретам партий, внесудебным задержаниям и расправам, принятию законов, нарушающих основные права, и даже массовому применению насилия и пыток. Такие меры часто препятствуют возможности выдвижения законных политических требований и блокируют легитимный политический процесс, вызывая в ответ еще более радикальную реакцию. Когда в 1991 г. в первом туре выборов в Алжире победил Исламский фронт спасения (ИФС), вмешались военные и запретили эту партию. В итоге разразилась гражданская война, которая унесла 100 тыс. жизней и подстегнула рост нетерпимости и деятельность террористических групп.

При решении этой проблемы оказывается эффективным соблюдение демократических процедур. Допуск крайне правых партий к участию в выборах может побудить их выступать с более умеренных позиций, как это, например, произошло с Партией свободы (ПСА) в Австрии или Партией справедливости и развития в Марокко. Состязательный выборный процесс помогает оценить реальную популярность и других групп (Партия прогресса в Дании). Кроме того, вовлечение в демократический политический процесс дает государству легитимное право применять уголовную ответственность за преступления на почве нетерпимости, вносить изменения в программы религиозных школ (как в Индонезии и Малайзии) и экспериментировать с инициативами на уровне общин, направленными на улучшение отношений между их членами (как в Мозамбике и Руанде).

Сохранение либеральных ценностей в обществе зависит от того, насколько соблюдается принцип верховенства закона, насколько внимательно прислушиваются к политическим требованиям и как обеспечивается защита основных прав человека — даже по отношению к преступникам. Нетерпимость — это поистине вызов, брошенный культурной свободе, поэтому средства борьбы с ней должны быть легитимными.

Глобализация может угрожать национальной или местной идентичности. Решение проблемы — не в консерватизме и изоляционистском национализме, а в политике мультикультурализма, направленной на поощрение многообразия и развитие плюрализма.

До сих пор основное внимание в Докладе уделялось тому, как страны должны управлять многообразием в рамках своих государственных границ. Но в эпоху глобализации государства оказываются перед лицом внешних вызовов, обусловленных международным движением идей, капитала, товаров и людей.

Расширяющаяся культурная свобода в наш век глобализации порождает все новые и новые проблемы и дилеммы. Общение между людьми, обмен ценностями, идеями и моделями образа

жизни интенсифицируются в небывалых масштабах. Кто-то воспринимает все это как расширение многообразия, источник энергии и вдохновения, однако других это тревожит и обескураживает. Многие опасаются, что глобализация будет означать для них утрату ценностей и образа жизни, поставит под угрозу местную и национальную идентичность. В своей крайней форме подобная реакция оборачивается стремлением отгородиться от любого иностранного влияния. Такая позиция чревата риском не только ксенофобии и консерватизма, но и регресса, который, в конце концов, способен привести к ограничению, а не к расширению свободы индивида и возможностей его выбора.

В настоящем Докладе обосновывается альтернативный подход, основанный на уважении и содействии расширению многообразия, при сохранении государств открытыми для глобального движения капитала, товаров и людей. Это предполагает осуществление политических подходов и стратегий, отвечающих идее культурной свободы. Такие стратегии должны опираться на признание и уважение культурных различий. Они также должны быть направлены на преодоление дисбаланса в распределении экономической и политической власти, который ведет к гибели культур и самобытности.

Такого рода альтернативы разрабатываются и горячо обсуждаются в трех областях:

- Коренные народы выступают против угрожающих их существованию инвестиций в добывающие отрасли и незаконного присвоения их традиционных знаний.
- Государства требуют, чтобы отношение к товарам культурного назначения (главным образом, к кинофильмам и аудиовизуальной продукции) отличалось от отношения к другим товарам международной торговли, так как их импорт способен ослабить национальную индустрию культуры.
- Иммигранты требуют создания благоприятных условий для ведения собственного образа жизни и уважения своей множественной самобытности, которая вытекает из их принадлежности как к местному сообществу, так и к стране происхождения. Со своей стороны, местные сообщества требуют ассимиляции иммигрантов или их выдворения, опасаясь раскола сообществ и размывания общенаци-

ональных ценностей и идентичности.

Как совместить между собой эти требования? Как обеспечить уважение многообразия и справиться с асимметрией?

Коренные народы, добывающая промышленность и традиционные знания

Осуществление инвестиций без учета прав коренного населения на данную территорию, ее культурного значения и ценности как экономического ресурса неизбежно будет порождать сопротивление. Аналогичное сопротивление возникнет и в случае присвоения традиционных знаний. Поэтому чрезвычайную важность имеет соблюдение трех принципов: признание прав коренного народа на знания и землю, обеспечение возможности группам коренного населения высказывать свое мнение (получение их согласия, основывающегося на адекватной информированности) и разработка мер по их участию в прибылях.

Накоплен и практический опыт решения этих проблем. Некоторые корпорации и национальные правительства осуществляют ряд инициатив, хотя все еще ограниченного характера, по работе с сообществами коренного населения при реализации новых инвестиций. В Перу правительство и корпорации, учитывая уроки предыдущих конфликтов, с 2001 г. привлекают группы коренного населения к принятию решений на цинковом и медном руднике Антамина. В Папуа — Новой Гвинее добыча полезных ископаемых сочетается с инвестициями в проекты по развитию общин. Совместные предприятия горнодобывающих компаний и коренных народов Северной Америки и Австралии уже принесли последним материальные выгоды, при этом коренные народы сохранили свой традиционный образ жизни.

Многие национальные правительства предпринимают шаги по обеспечению юридической защиты традиционных знаний. В Бангладеш признается право местных общин на биологические ресурсы и связанные с ними традиционные знания. В Лаосской Народно-Демократической Республике сбор и накопление таких знаний осуществляет Научно-исследовательский центр традиционной медицины. Правительство ЮАР обязалось отчислять бушменам часть доходов от лекарств, произведенных на основе их знаний.

Ряд стран уже нашел способы использования существующих систем защиты интеллектуальной собственности для того, чтобы охранять традиционные знания. В Казахстане закрепляются авторские права на орнаменты, воспроизводимые на коврах и головных украшениях. В Венесуэле и Вьетнаме необходимость указывать на упаковке географическую принадлежность спиртных напитков и чая защищает их от пиратского копирования. В Австралии и Канаде для защиты произведений традиционного искусства используются знак авторского права и торговые марки.

Признание многообразия означает, что различные аспекты прав собственности и культурной значимости знаний и художественных форм должны быть инкорпорированы в международный правовой режим. Для этого требуются действия мирового сообщества. Если современные правовые нормы защиты интеллектуальной собственности не «чувствительны» к общеизвестным традиционным знаниям и не «распознают» их групповую принадлежность, значит эти нормы необходимо пересмотреть. Следует отказывать странам и компаниям в выделении кредитов на реализацию таких проектов, в рамках которых осуществляется необоснованное присвоение собственности или которые не предусматривают выплату компенсации коренным сообществам.

Товары культурного назначения

Следует ли защищать товары культурного назначения в международной торговле в целях содействия защите культурного многообразия в мире? Являются ли фильмы и аудиовизуальная продукция товарами культурного назначения? Здесь чрезвычайно важно соблюдать два принципа: признавать роль товаров культурного назначения в развитии творчества и многообразия, и учитывать невыгодное положение, которое занимают на мировом рынке небольшие компании, производящие фильмы и аудиовизуальную продукцию.

Многообразие товаров культурного назначения само по себе ценность, так как расширяет выбор потребителя и обогащает культурный опыт людей. Однако товары культурного назначения также подвластны законам экономики, в частности уменьшению единичных расходов

при увеличении масштабов производства. В связи с этим изделия крупных производителей вытесняют с рынка товары мелких производителей, особенно в бедных странах.

Как можно содействовать многообразию? Установление барьеров в торговле не может быть решением проблемы, так как ограничивает свободу выбора потребителей. Вместо тарифных ограничений, многообразию больше поможет поддержка отраслей индустрии культуры. Аргентина, Бразилия и Франция успешно испробовали субсидирование индустрии культуры и налоговые льготы на ее продукцию, не останавливая приток заграничных товаров культурного назначения на местные рынки. Венгрия выделяет 6% от средств, поступающих благодаря телевидению, для поддержки отечественного кинопроизводства. Египет использует сотрудничество государства с частными предпринимателями для финансирования инфраструктуры кинопромышленности.

Иммиграция

Должны ли иммигранты ассимилироваться, или их культурам следует предоставить право на существование? Здесь чрезвычайно важно соблюдать три принципа: уважение многообразия, признание множественной идентичности и создание тесных связей с местным сообществом. Ни одна страна не продвинулась вперед в развитии в результате закрытия своих границ. Международная миграция приносит с собой профессиональные навыки, трудовые ресурсы и идеи, обогащая жизнь людей. Точно так же, как невозможно оправдать традиционные и религиозные практики, нарушающие права человека, насильственная ассимиляция не может рассматриваться как эффективное решение проблемы.

Идентичность — это не игра с нулевым результатом. Приведем в этой связи высказывание малазийки, живущей в Норвегии: «Меня часто спрашивают, как давно я живу здесь. Двадцать лет, отвечаю я. Обычно дальше следует восклицание: «Да вы уже почти норвежка!» Предполагается, что я в чем-то перестала быть малазийкой, потому что об идентичности принято думать как об игре с нулевым результатом: чем больше одного вида самобытности, тем меньше другого. Идентич-

ность почему-то представляют себе в виде квадратной коробки стандартного размера».

В иммиграционной политике большинства стран преобладают два подхода: дифференциация (мигранты сохраняют свою самобытность, не интегрируясь в общество) и ассимиляция (без права выбора сохранить свою первоначальную идентичность). Однако все чаще находят признание концепции мультикультурализма, признающие множественную идентичность. Это предполагает поощрение толерантности и понимание культурных различий, а также возможность исповедовать свою религию, носить свою одежду и остальные индивидуальные аспекты повседневной жизни. Это также подразумевает признание того факта, что иммигранты часто не имеют возможности публично выражать свои интересы и защищать себя от эксплуатации, что, в свою очередь, связано с необходимостью поддержки интеграции, например, путем обучения официальному языку и оказания помощи при трудоустройстве.

Страны расширяют права лиц, не имеющих гражданства, на участие в общественной жизни — (*denizenship* в Бельгии и Швеции). Более 30 стран признают в настоящее время двойное гражданство. В целях борьбы с неправильными представлениями и предубеждением Служба комиссара по интеграции и миграции при Берлинском сенате финансирует организации иммигрантов, проводит информационные кампании и предоставляет юридические консультации на 12 языках, помогая в поисках работы и решая вопросы, связанные с дискриминацией.

Однако такая политика сталкивается с препятствиями. Билингвистическое образование в

США и ношение головных платков во Франции — два спорных вопроса, вызвавших серьезные разногласия в обществе. Некоторые опасаются, что положительные решения по ним противоречат фундаментальным ценностям общества, таким, как признание национальной культуры (в США) или отделение церкви от государства и равноправие женщин (во Франции).

* * *

Расширение культурных свобод — важная цель развития человека, и она требует к себе настойчивого внимания в XXI в. Все люди хотят быть свободными, чтобы иметь возможность выбрать, кем быть. Все люди хотят быть свободными, чтобы выражать свою идентичность в качестве членов группы, разделяющих общие обязанности и ценности, будь то на основе национальной, этнической, языковой, религиозной или семейной принадлежности, профессии или хобби.

Глобализация ведет к постоянному расширению взаимодействия между людьми, населяющими нашу планету. Мир одинаково нуждается как в повышении уважения к многообразию, так и в укреплении приверженности единству. Чтобы стать полноценными членами обществ, построенных на многообразии, и воспринять всемирные ценности толерантности и уважения к всеобщим правам человека, индивиды должны выйти за жесткие рамки своей идентичности. Настоящий Доклад служит основой для дискуссии о том, как страны могли бы помочь этому. И если краткая история XXI в. хоть чему-нибудь нас научила, так это тому, что уклонение от попытки решить эту проблему — не выход из положения.